

К.Г. Стефановский

**Разграничение гражданского и
уголовного судопроизводства
в истории русского права**

Москва
Книга по Требованию

УДК 304
ББК 60.5

К.Г. Стефановский

Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории
русского права / К.Г. Стефановский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 370 с.

ISBN 978-5-458-00626-2

Журнал Министерства народного просвещения. 1873 г.

ISBN 978-5-458-00626-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

номъ" ¹⁾). Такимъ образомъ, изучая историческое развитіе правосудія у какого-либо народа, вмѣстѣ съ тѣмъ, изучаешь вообще его жизнь, его нравы, его обычаи. Развитіе правосудія въ странѣ идетъ рядомъ съ развитіемъ народной жизни вообще и обуславливается ея успѣхами. Какъ литература не можетъ создать ничего роднаго, что было бы выше современнаго состоянія народной цивилизаціи, такъ и правосудіе не можетъ быть организовано иначе, какъ только сообразно современному развитію общества. Всякое правовое положеніе, дѣйствующее въ данномъ государствѣ, хотя бы и не вытекало непосредственно изъ самого народа, а изъ государственной власти, неизрѣнно коренится въ прошлой исторіи этого народа; точно такъ и правосудіе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно признается въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ, есть результатъ исторіи. Если она и представляетъ намъ примѣры, что народы мало просвѣщенные заимствовали иногда формы и порядокъ огражденія правъ у націй, болѣе цивилизованныхъ, то она же показываетъ намъ, что эти заимствованныя формы и порядокъ, уже потому только, что они не соответствовали степени развитія народа, заимствовавшего ихъ, не пускали глубокихъ корней, и мало по малу вытѣснялись элементами народными. Всякое юридическое учрежденіе тогда только будетъ долговѣчно и полезно въ странѣ когда оно согласно съ духомъ даннаго народа, и съ его историческимъ бытомъ. Въ частности, по отношенію къ судопроизводству, тѣ только формы и порядокъ суда будутъ благотворны въ государствѣ, коимъ основа коренится въ исторіи этого государства. Посему-то выдѣленіе чисто народныхъ элементовъ суда, подлежащихъ быть основой его, и слѣдовательно, существенныхъ, отъ элементовъ наносныхъ, привитыхъ, случайныхъ, и слѣдовательно, преходящихъ, составляетъ главнѣйшую обязанность науки права: „Опредѣлить историческія особенности русскаго судопроизводства“, говоритъ профессоръ Дмитріевъ, „показать, что въ нихъ было случайнаго и что существеннаго—вотъ обязанность науки права.... Труды подобнаго рода могутъ со временемъ имѣть благотворное вліяніе на самую практику, которая только въ сближеніи съ наукою можетъ заимствовать новыя силы“ ²⁾).

Ученые юристы наши уже давно сознали это важное значеніе исторіи въ наукѣ права, и потому въ нашей юридической литературѣ

¹⁾ Русское гражданское судопроизводство, въ историческомъ его развитіи отъ Уложенія 1649 года.... профессора *Михайлова*. С.-Петербургъ, 1856 года, стр. 1—2.

²⁾ Исторія судебныхъ инстанцій.... *Дмитріева*. М. 1859 года, стр. 580.

мы встрѣчаемъ не мало замѣчательныхъ изслѣдованій по исторіи отечественнаго правосудія. Но при всемъ томъ, ми до сихъ поръ еще не имѣемъ полной исторіи русскаго судопроизводства гражданскаго и уголовнаго, и встрѣчаемъ не мало вопросовъ въ исторіи нашего права, которыхъ не касалось еще перо историка-юриста. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ, между прочимъ, и вопросъ о разграниченіи гражданскаго судопроизводства отъ уголовнаго. Настоящее изслѣдованіе мое представляетъ опытъ изслѣдованія этого вопроса.

Вопросъ о разграниченіи гражданскаго судопроизводства отъ уголовного въ исторіи нашего права, какъ мы замѣтили уже, еще не затронутъ нашею историко-юридическою литературой. Изслѣдователи только мимоходомъ, въ двухъ-трехъ словахъ, упоминають о немъ. Такъ, профессоръ Михайловъ, въ своемъ изслѣдованіи о древнемъ судопроизводствѣ, замѣчаетъ только, что „конечнымъ результатомъ уставныхъ и судебныхъ грамотъ было окончательное отдѣленіе гражданскаго судопроизводства отъ уголовного“ ¹⁾. Г. Чоголковъ въ диссертациіи объ органахъ древняго суда, по поводу появленія въ эпоху Ивана Грознаго губныхъ старостъ, говоритъ, что этимъ учрежденіемъ проведено окончательное отдѣленіе суда гражданскаго отъ уголовного ²⁾. Въ изслѣдованіи г. Троицынъ о рускомъ судоустройствѣ мы читаемъ только слѣдующія слова, относящіяся къ нашему предмету: „Со вступленіемъ на престолъ Ивана IV, для Россіи наступаетъ новая эпоха въ жизни юридической ³⁾: въ судопроизводствѣ появляются новыя начала, дотогъ не существовавшія; вѣдомство уголовное отдѣляется отъ гражданскаго“ ⁴⁾. Такое же коротенькое замѣчаніе встрѣчается и у г. Попова ⁵⁾. Далѣе, г. Калачевъ, разсматривая судопроизводство по судебнику Ивана IV, говоритъ, что съ царствованія Грознаго начинается „переходное состояніе русскаго законодательства отъ не-

¹⁾ «Исторія образованія и развитія системы русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства» и проч. С.-Петербургъ, 1848 г., стр. 32.

²⁾ «Объ органахъ судебной власти въ Россіи до Уложенія царя Алексея Михайловича», стр. 2 и др.

³⁾ «Историческое развитіе судопроизводства въ Россіи» и проч. Кіевъ, 1847 г., стр. 40.

⁴⁾ «Исторія судебныхъ учреждений въ Россіи». С.-Петербургъ, 1851 года, стр. 28.

⁵⁾ «Устройство уголовныхъ судовъ въ Московскомъ государствѣ». Журн. Мин. Нар. Просв., т. LX, стр. 77.

опредѣленнаго смѣшенія различной сферы права къ сознанію отдѣльности и самостоятельности, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ изъ ея частей... Это состояніе продолжается въ теоріи до уложенія (1649 г.), а на практикѣ до Петра I. Въ эпоху судебниковъ законодатель не сознавалъ еще различія сферы уголовной и гражданской въ области права" ¹⁾. Затѣмъ, профессоръ Пахманъ, указывая, въ своемъ изслѣдованіи о судебныхъ доказательствахъ, на введеніе, въ XVI столѣтіи, въ бытъ нашихъ предковъ новаго элемента государственнаго и на вліяніе этого начала въ развитіи системы доказательствъ, выразившеся, между прочимъ, въ учрежденіи губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, замѣчаетъ, что въ этихъ мѣрахъ лежитъ зародышъ новой формы процесса, и виѣсть съ тѣмъ, основаніе для отдѣленія гражданскаго судопроизводства отъ уголовнаго; но что примѣненіе той или другой формы процесса зависѣло не отъ различія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, а отъ качества народной молвы; „предметы же права уголовнаго не отличались отъ предметовъ права гражданскаго: одни и тѣ же дѣла получали характеръ то гражданскій, то уголовный; отсюда, примѣненіе однихъ и тѣхъ же доказательствъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ" ²⁾. Потомъ, въ сочиненіи профессора Дмитриева мы читаемъ, относительно нашего вопроса, только слѣдующія строки: (въ эпоху судебниковъ и уложенія) „одни и тѣ же дѣла могли принимать и гражданскій и уголовный характеръ; „различіе между гражданскими и уголовными дѣлами не было ясно сознаваемо во весь до¹⁾-Петровскій періодъ русской исторіи" ³⁾. Наконецъ, въ сочиненіи Гартунга указывается, что начало отдѣленія суда гражданскаго отъ уголовнаго относится къ эпохѣ судебниковъ, но что окончательное разграниченіе ихъ совершилось въ царствованіе Елизаветы II ⁴⁾. Кромѣ этихъ краткихъ свѣдѣній, мы не находимъ никакихъ другихъ, относительно разсматриваемаго нами вопроса, въ нашей юридической литературѣ. Очевидно, что такіа свѣдѣнія болѣе, чѣмъ недостаточны, и къ тому же довольно разно-

¹⁾ «Объ уголовномъ правѣ по Судебнику Ивана В. IV». *Юрид. Зап.* изд. Ридкина, т. II, стр. 306—307.

²⁾ «О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву» и проч. Москва, 1851 г., стр. 139 и 146.

³⁾ «Исторія судебныхъ инстанцій» и проч. Москва, 1859 г., стр. 182, 360 и тезисъ 19.

⁴⁾ «Исторія уголовного судопроизводства въ Англіи, Франціи, Германіи и Россіи» С.-Петербургъ, 1860 г., стр. 111.

рѣчивы, такъ какъ одни изслѣдователи уже въ уставныхъ и губныхъ грамотахъ видятъ окончательное разграниченіе суда гражданскаго отъ уголовнаго; другіе относятъ это разграниченіе къ эпохѣ втораго Судебника; третьи — къ уложенію 1649 года; нѣкоторые не признають отдѣленія дѣлъ гражданскихъ отъ уголовныхъ и суда гражданскаго отъ уголовнаго во весь до-Петровскій періодъ русской исторіи, а иные только, въ законодательствѣ Екатерины II видятъ судъ уголовный отдѣлившимся отъ гражданскаго. Такое разнорѣчіе, кажется намъ, объясняется тѣмъ, что ни одинъ изъ ученыхъ не имѣлъ своею задачею историческаго разсмотрѣнія судопроизводства въ полномъ его объемѣ, а занимался изслѣдованіемъ или одной сферы судопроизводства (гражданской или уголовной), или даже отдѣльной части судопроизводства въ той или другой сферѣ. А такъ какъ развитіе судопроизводства и разграниченіе его сферы шло постепенно, по частямъ, — нѣкоторыя части одного судопроизводства выдѣлились изъ сферы другого ранѣе, другія — позднѣе, — то весьма легко могло случиться, что изслѣдователи, касаясь только одной стороны судопроизводства, или разбирая только одну часть его и видя въ этой части разграниченіе суда гражданскаго отъ уголовнаго, распространяли результаты своихъ изысканій на всю систему суда.

Въ предлагаемомъ трудѣ читатель не найдетъ полной исторической картины русскаго судопроизводства. Задача наша состоитъ не въ томъ, чтобы показать, какъ судъ, начиная съ того момента, когда основой его былъ обычай, сферой осуществленія — семейство и родъ, судьей — отецъ семейства или родоначальникъ, когда средствами возстановленія нарушенныхъ правъ были месть и самоуправство, перешелъ потомъ въ государственное учрежденіе, и миновавъ рядъ тѣхъ колебаній, которыя подъ вліяніемъ тяжелой исторической судьбы народа и разныхъ внѣшнихъ силъ, уклонили его отъ первоначальнаго народнаго характера, выбившись изъ того смѣшенія съ другими функціями государственной жизни — административною и законодательною, въ которомъ держали его до послѣдняго времени, явился, наконецъ, самостоятельнымъ, отдѣльнымъ учрежденіемъ, принявъ разумныя начала народнаго суда, развитыя и усовершенствованныя путемъ науки и исторіи, и достигъ того состоянія, когда назначеніе его, точно опредѣленное, стало достижимымъ, когда „правда и милость стали царствовать въ судахъ“. Принятіе на себя подобной задачи мы считаемъ дѣломъ не посильнымъ, и потому, въ своемъ изслѣдованіи, будемъ говорить о порядкѣ суда на Руси только на

столько, на сколько это необходимо для того, чтобы прослѣдить постепенное разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права. Но такъ какъ разграниченіе какого бы то ни было предмета, выдѣленіе отдѣльныхъ его признаковъ и составныхъ частей возможно не иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго знакомства съ цѣлымъ предметомъ, то мы считаемъ необходимымъ предпослать нашему изслѣдованію: 1) нѣсколько теоретическихъ замѣчаній о разграниченіи судопроизводства гражданскаго отъ уголовнаго, и 2) краткое изложеніе историческаго развитія русскаго судопроизводства вообще; послѣ чего, будетъ высказанъ взглядъ нашъ на разграниченіе гражданскаго и уголовнаго процесса въ исторіи нашего права и порядокъ, котораго мы намѣрены держаться при разрѣшеніи разсматриваемаго нами вопроса.

I.

Общія замѣчанія о разграниченіи гражданскаго и уголовнаго судопроизводства.

Все содержаніе права исчерпывается, съ одной стороны, тѣмъ, что имъ опредѣляются юридическія отношенія между людьми въ ихъ общественномъ и частномъ быту; съ другой—имъ охраняются и возстановляются эти отношенія, въ случаѣ правонарушеній; отсюда, извѣстное дѣленіе законовъ на *опредѣлительные* и *охранительные*. Между тѣми и другими существуетъ тѣсная, органическая связь. Законы опредѣлительные имѣютъ своимъ существеннымъ назначеніемъ практическую примѣняемость. Но это практическое примѣненіе совершается не иначе, какъ подъ условіемъ охранительныхъ установленій. Та часть науки права, которая излагаетъ способы примѣненія его въ жизни, говоритъ о порядкѣ и формахъ возстановленія нарушеннаго права, называется *судопроизводствомъ*, которое, въ свою очередь, содержитъ въ себѣ ученіе *объ органахъ*, примѣняющихъ законъ, и *правила для дѣятельности этихъ органовъ*. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть ученіе о *судоустройствѣ*, а во второмъ — о *процессѣ*, или *судопроизводствѣ въ тѣсномъ смыслѣ*.

Право дѣлится, обыкновенно, на *общественное* (*jus publicum*) и *частное* (*jus privatum*); дѣленіе это основано на томъ, что человѣкъ существо свободное и общительное, можетъ быть разсматриваемъ и какъ недѣлимое, и какъ составная частица собирательнаго цѣлага. Поэтому, всѣ человѣческія отношенія сводятся къ двумъ началамъ: личности и

общественности. Всѣ юридическія отношенія, основанныя на относительной самостоятельности какъ недѣлимаго, такъ и каждой дробной собирательной группы, то-есть, всѣ права и обязанности членовъ общественнаго организма, разсматриваемыхъ какъ особыя части, существующія сами для себя и могущія въ извѣстныхъ предѣлахъ стремиться къ осуществленію особыхъ своихъ цѣлей, составляютъ область *частнаго, гражданскаго права*. А тѣ юридическія отношенія, кои основаны на зависимости каждаго недѣлимаго и каждой дробной группы отъ включающаго ихъ въ себѣ, цѣлаго общественнаго союза, то-есть, права и обязанности членовъ общественнаго организма, разсматриваемыхъ со стороны ихъ содѣйствія общему благу всего союза (государства), образуютъ составъ *общественнаго права*. Какъ тѣ, такъ и другія отношенія могутъ быть порваны: права могутъ быть нарушены, обязанности — не исполнены. Отсюда, понятіе о *правонарушеніи*, не-правдѣ; правонарушеніе есть общее родовое понятіе, заключающее въ себѣ и понятіе о нарушеніи права данной отдѣльной личности и понятіе о нарушеніи правъ цѣлаго общества; въ первомъ случаѣ, мы встрѣчаемся съ неправдою гражданскою, *гражданскимъ правонарушеніемъ*; во второмъ, съ неправдою уголовною, *преступленіемъ уголовнымъ*. Трудно теоретически провести точную границу между этими понятіями. Причина этой трудности заключается въ томъ, что вообще трудно провести черту между содержаніемъ и областію общественныхъ и частныхъ правъ и юридическихъ отношеній; тѣ и другія, коренясь въ основахъ правды и справедливости, одинаково необходимы для общества и частнаго лица, и во многихъ пунктахъ сходятся между собою. Тѣмъ не менѣе, эти границы существуютъ, и наука права представляетъ намъ цѣлый рядъ теорій, старавшихся обозначить ихъ. Считая излишнимъ излагать здѣсь эти теоріи въ подробности, мы ограничимся только указаніемъ на нихъ, наименовать, при этомъ важнѣйшихъ представителей каждой теоріи.

Вопервыхъ, существуетъ цѣлая школа, которая, исходя изъ того начала, что границы между неправдою уголовною и гражданскою колеблются въ исторіи, приходитъ къ тому выводу, что границы эти опредѣляются исторіей и положительнымъ законодательствомъ у каждаго народа иначе. Такого взгляда держится, напримѣръ, Темпе. Исторія же представляетъ намъ то общее явленіе, что въ началѣ общественной жизни народа, при слабости связи общественной, всѣ почти правонарушенія имѣютъ только частный характеръ, и только съ развитіемъ формъ государственнаго быта, нѣкоторые изъ нихъ

выдѣляются и получаютъ характеръ общественный; но при этомъ законодательство приходитъ къ сознанію, что рѣдкое изъ правонарушеній, даже частныхъ, обходится безъ прикосненья публичнаго права. А такъ какъ въ жизни имѣть рѣзкихъ переходовъ и скачковъ, то въ развитыхъ законодательствахъ образуются даже промежуточныя сдѣшанныя формы полу-публичныхъ и полу-частныхъ правонарушеній. Та же исторія показываеъ, что понятіе о правѣ, равно какъ и понятіе о преступленіяхъ и объемъ ихъ измѣняется, вмѣстѣ съ измѣненіемъ нравственныхъ убѣжденій даннаго общества; но вмѣстѣ съ измѣненіемъ понятія о правѣ и о преступленіяхъ, вмѣстѣ съ измѣненіемъ объема преступленій, измѣняются и границы между гражданскими правонарушеніемъ и уголовнымъ преступленіемъ; оттого-то историческая школа и приходитъ въ тому выводу, что границы эти проводятся эмпирически, у каждаго народа иначе. Вотъорыхъ, есть ученые, которые старались указать границы между гражданской и уголовною неправдою на основаніи объектовъ правонарушеній. Сюда относятся, напримѣръ, Шталь, Гельшперъ; у насъ — гг. Спасовичъ и Неклюдовъ. По мнѣнію г. Спасовича, „преступленіе гражданское есть нарушеніе чьихъ-либо частныхъ правъ, поставленныхъ въ зависимость отъ частнаго произвола, нарушеніе которыхъ порождаетъ только обязанность вознаградить владѣльца права, но не касается общественнаго блага. Преступленія уголовныя суть нарушеніе учрежденій, установленныхъ въ интересѣ общественнаго коридка“. Теорія г. Неклюдова состоитъ въ слѣдующемъ: „Въ правѣ заключаются два элемента, съ одной стороны, предметъ, по поводу котораго возникаютъ отношенія между гражданами, а съ другой — самыя отношенія. Сообразно этимъ двумъ элементамъ, можно различать двѣ формы неправды. Объектомъ неправды можетъ быть или самый предметъ, или же отношенія по поводу предмета; въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ неправду уголовную, напримѣръ, кража вещи; во второмъ — неправду гражданскую, напримѣръ, неплатежъ денегъ, взятыхъ въ долгъ“. Втретнихъ, приверженцы субъективной школы стараются провести разграниченіе между уголовною и гражданской неправдою на основаніи характера воли, на основаніи какого-либо внутренняго признака. Сюда относятся Кестлинъ, Бернеръ и другіе. Въ неправдѣ гражданской, по мнѣнію Кестлина, воля отдѣльнаго лица сознаетъ свое единство съ общою волею, выраженною въ законѣ; тутъ — неправда только по вѣншему виду, то-есть, такъ какъ она кажется для постороннихъ лицъ, а не для дѣйствующаго лица. Напротивъ, неправда уголовная

есть такое дѣяніе, которое составляетъ прямое противорѣчіе между отдѣльнымъ и всеобщемъ волею, которое не только не своему внѣшнему виду, то-есть, для сторонникѣ лицѣ, но и для самого дѣятеля представляется посягательствомъ на юридическую норму. Какая изъ этихъ теорій должна быть признана болѣе вѣрною — разбирать не наше дѣло. Замѣтимъ только, что ни по характеру правъ, ни по обстоятельствамъ совершенія преступленія, невозможно провести разграниченіе неправды гражданской отъ уголовной, а необходимо обращать вниманіе на элементъ сознательности дѣянія и его результатовъ, то-есть, на волю. Можно представить цѣлый рядъ дѣяній, который, по своему внѣшнему виду, по своимъ объектамъ и по обстоятельствамъ совершенія, должны быть отнесены къ неправдѣ уголовной, но которые, по требованію и теоріи, и законодательствъ, влекутъ только вознагражденіе за вредъ и убытки, то-есть, сопровождаются только гражданскими послѣдствіями. Напримеръ, когда преступленіе совершено въ состояніи невѣжливости, или случайно. Какъ бы то ни было, но для насъ важно только то, что существуютъ два рода неправды — гражданская и уголовная, два рода правонарушеній, частныхъ и публичныхъ (*delicta publica* и *delicta privata*), и что сообразно съ этимъ, для охраненія отъ тѣхъ и другихъ, для восстановленія правъ, установлены въ развитыхъ государствахъ особые для тѣхъ и другихъ способы и формы охраненія; другими словами, что въ каждой развитой государствѣ существуютъ особые суды гражданскіе и уголовные, и особые формы для разбора дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ; отсюда *два вида судопроизводства — гражданское и уголовное*.

Общая черта ихъ та, что они оба занимаются охраненіемъ отъ правонарушеній, восстановленіемъ нарушенныхъ правъ; но они различаются между собою по предметамъ вѣдомства, цѣли и образу дѣйствій. Предметы вѣдомства гражданского суда суть нарушенія чьихъ-либо правъ частныхъ, нарушенія, которыя рождаютъ только обязанность вознаградить владѣльца права, но не касаются общественнаго быта; правонарушенія, по теоріи Кестлина и Бернера, „безсознательныя“, „добросовѣстныя“. Предметы же вѣдомства суда уголовного, то-есть, противоправныя, сознательныя посягательства на тѣ юридическія отношенія, которыя, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, считаются необходимыми условіями общежитія. Гражданская неправда, составляющая предметъ вѣдомства гражданского суда, касается одного обижennaго, не опасна для общества; тутъ нарушеніе касается,

главнымъ образомъ, правъ имущественныхъ, находящихся въ полномъ распоряженіи обладателя ихъ, который можетъ удержать ихъ за собою, можетъ и отказаться отъ нихъ. Уголовное правосудіе имѣетъ дѣло съ основнымъ нарушеніемъ права, которое всегда затрагиваетъ общественный интересъ, и нарушая коренныя условія общежитія, является опаснымъ для всѣхъ членовъ общества, оскорбляетъ не только лицо, непосредственно обиженное правонарушеніемъ, но и все общество, государство. Соответственно тому, судъ гражданскій есть посредникъ между двумя сторонами, какъ частными лицами, и заботится о томъ, чтобы представить одной изъ нихъ, которая обижена, удовлетвореніе, или просто рѣшить споръ между ними; а судъ уголовный есть посредникъ между преступникомъ и обществомъ и стремится къ тому, чтобы возстановить и утвердить возмущенный преступленіемъ, общественный порядокъ. Главное назначеніе гражданскаго судопроизводства состоитъ въ возстановленіи, нарушеннаго незаконными дѣйствіями, равновѣсія въ области экономической посредствомъ взысканія эквивалента за причиненный ущербъ, хотя, въ крайнемъ случаѣ, и притомъ не вездѣ и не всегда, и мѣры гражданскихъ взысканій приводятся къ средству собственно уголовному (арестъ за долги). Цѣль уголовного правосудія состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить тотъ моральный вредъ, который причиняется преступнымъ дѣяніемъ обществу, посредствомъ осуществленія надъ личностію виновнаго наказанія, падающаго почти исключительно на личныя права послѣдняго. Въ образѣ дѣйствій гражданскаго суда та особенность, что тутъ дается мѣсто частному произволу: я могу искать своего права, могу и не искать, и никто не только не обязанъ, но и не въ правѣ начинать, ради моего интереса, процессъ, или принудить меня подать жалобу. Далѣе, если я началъ гражданскій процессъ, то во всякую минуту могу отказаться отъ веденія дѣла, оставить свой искъ, могу примириться съ отвѣтчикомъ, могу защищать свое право, какъ хочу. Общество, въ лицѣ своихъ представителей-судей остается тутъ безстрастнымъ между партіями и ограничиваетъ свою дѣятельность только тѣмъ, что даетъ рѣшеніе на основаніи тѣхъ доказательствъ, которыя тажущіся могли или хотѣли представить. Въ уголовномъ же процессѣ частная воля, большею частію, неизмѣтима ни какого значенія: судъ обязанъ тутъ самъ по себѣ, независимо отъ частнаго произвола, заботиться объ отысканіи истины. Начало процесса, какъ въ области гражданскаго права, не зависитъ тутъ отъ воли частнаго лица, потому что многія преступленія, касаясь всего

общества, не нарушать въ частности ничьихъ правъ, и при безучастіи гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ, могутъ оставаться безнаказанными. Точно также, и весь ходъ уголовного процесса не можетъ находиться въ полномъ распоряженіи тяжущихся: при уголовной неправдѣ мало того, чтобы приговоръ суда черезъ только то право, которое ищутъ и доказываютъ тяжущіеся; обществу необходимо знать виновность преступника и определить мѣру этой виновности; ему необходимо осуществить наказаніе надъ нарушителемъ его спокойствія, и мало того, необходимо, чтобы самое это наказаніе было справедливымъ, равномернымъ, цѣлесообразнымъ. „Пока въ правонарушеніи“, говоритъ г. Квачевскій, „не заключается зла, направленаго на порядокъ общественнаго, или пока оно незначительно, касается интересовъ государства лишь посредственно, до тѣхъ поръ оно смотреть на такое дѣйствіе, какъ на частное юридическое отношеніе между виновникомъ и потерпѣвшимъ, какъ на обязательство чисто гражданское, имѣющее своимъ послѣдствиемъ то, что одна сторона обязана дать вознагражденіе, другая — имѣть право требовать его. Но какъ скоро нарушение направлено на интересы общества, то государство, большую частію, уже само преслѣдуетъ правонарушеніе, хотя бы оно имѣло въ виду и убытокъ частному лицу. Оно предъявляетъ свое требованіе суду уголовному, въ которомъ главное вниманіе обращено не на фактъ, а на степень злой воли... Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ, это разграниченіе не такъ ясно: искъ уголовный, предъявляемый государствомъ, служитъ общественному интересу, но не теряетъ изъ виду и частнаго; обвинитель со стороны государства не рѣдко помогаетъ и обвинителю частному, то-есть, лицу, пострадавшему отъ преступленія, потому что это лицо преслѣдуетъ то же преступное дѣяніе, какъ и онъ; но поддерживая гражданскій искъ, публичный обвинитель никогда не выходитъ изъ дѣловъ своей дѣятельности; и если уголовный и гражданскій иски не только имѣютъ общія черты, но иногда и сливаются между собою, то это только потому, что между общественнымъ и частнымъ интересами рѣзкой черты провести нельзя“¹⁾. Такое соединеніе исковъ встрѣчается именно тогда, когда преступленіе, нарушая интересы цѣлаго общества, наноситъ, въ то же время, имущественный

¹⁾ «Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по судебнымъ уставамъ 20-го ноября С.-Петербургъ, 1866 года, ч. I, введеніе.